

Г. Асланян

Критика волюнтаризма и фатализма Н. Г. Чернышевским

Высшего развития материализм и детерминизм у предшественников марксизма в России достиг в трудах великих революционных деятелей и гениальных мыслителей середины XIX века—*Н. Г. Чернышевского* и *Н. А. Добролюбова*. Чернышевский—вождь революционных демократов-разночинцев, крупнейший ученый-энциклопедист: философ, историк, экономист, социалист, теоретик искусства и литературы, оказавший огромное влияние на передовую мысль и общественное движение народов России и многих других стран. Известны исключительно высокие оценки, данные Чернышевскому Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным. „Великий русский ученый и критик“—так называет Маркс в „Капитале“ Чернышевского. Труды Чернышевского полны революционной страсти и принципиальности, силы и глубины мысли. Маркс писал русским политическим деятелям, что труды Чернышевского, „вашего учителя“, делают действительную честь России. Маркс также писал, что из всех тогдашних экономистов Чернышевский, показавший банкротство буржуазной экономической науки, единственный, кто достоин, чтобы его читали и изучали, все остальные—лишь жалкие компиляторы. Маркс считал, что „политическая смерть Чернышевского (т. е. ссылка в Сибирь—Г. А.) есть потеря для ученого мира не только России, но и всей Европы“¹. Ленин назвал Чернышевского великим русским писателем, великим диалектиком и материалистом. Ленин писал, что одного имени Чернышевского достаточно, чтобы говорить о солидных материалистических традициях у главных направлений передовой общественной мысли России². И. В. Сталин называет имя Чернышевского в ряду тех деятелей, ученых, художников, которых дал миру русский народ и которыми он гордится.

Эпоха, когда выступали Чернышевский и Добролюбов—50—60 годы прошлого века—была полна значительными историческими событиями: кризис крепостничества достиг высшего предела, в России назревала революционная ситуация. „Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права“³. Сотни крестьянских восстаний, в особенности после Крымской войны, были выражением ненависти миллионов крестьян против крепостничества, всего строя угнетения. Еще более обострилась классовая борьба между

¹ См. „Летописи марксизма“, Книга 5-я, 1928, стр. 219.

² В. И. Ленин, Соч., том 33, стр. 201--202.

³ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 5.

двумя лагерями в России: крестьянством и помещиками. Революционные демократы во главе с Чернышевским выступили против крепостничества во всех его проявлениях—в экономике, в юридических и политических отношениях, в быту, в идеологии. Чернышевский и его единомышленники—непримиримые враги существовавших порядков, помещиков и либералов, развернули программу революционно-демократических преобразований России путем крестьянской революции. Беспощадно разоблачая реформу 1861 г., как помещичий обман, они призывали крестьян к топору, т. е. к революции для уничтожения существующих порядков.

У Чернышевского и Добролюбова революционный демократизм и утопический социализм сливались в одно течение: они думали, что осуществление их программы прямо и непосредственно приведет Россию к социализму.

Чернышевский развернул идейно-политическую борьбу против многочисленных врагов народа, защитников и идеологов самодержавия, крепостничества, возникающего капитализма: представителей официальной идеологии, славянофильства, „западничества“, космополитизма, расизма. Великий материалист страстно боролся против всей линии идеализма в лице таких ее представителей, как Кант, Фихте, Гегель, Шеллинг и многие другие на Западе и в России. Исклчительно высоко ценил Ленин материализм и вытекающий из него детерминизм Чернышевского. Называя его великим русским диалектиком и материалистом, Ленин считал крайне важным (так он писал А. И. Елизаровой—Г. А.) противопоставить Чернышевского различным течениям реакционной буржуазной философии: неокантианству, позитивизму, махизму. Чернышевский прекрасно понимал, что идеализм тесно связан с оправданием антинародных порядков; он отчетливо сознавал, что философия партийна, что философские течения находятся в непосредственной связи с политическими течениями. Это всегда было так, говорил Чернышевский, а не только в отношении философских систем нового времени: было бы по меньшей мере чрезвычайной наивностью не видеть или не понимать этого. Революционный деятель должен последовательно бороться против врагов народа не только чувством ненависти, но и знанием, светом разума, силой логики. Философской базой для революционной деятельности может быть только материализм и детерминизм.

Ленин писал: „Чернышевский—единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса“¹. Материализм Чернышевского ни в

¹ В. И. Ленин. Соч., том 14, стр. 346.

коем случае не есть повторение материализма Фейербаха или материализма XVIII века с их созерцательностью, метафизичностью, фаталистическим детерминизмом, как это получается в освещении Плеханова: материализм Чернышевского есть высшее достижение до-марксистского материализма, возникшее непосредственно на основе революционно-освободительного движения русского народа, трудящихся России против помещиков, дворян, купцов и царей. Внимательно следил Чернышевский также за революционным опытом Запада и освободительным движением угнетенных народов. Эта революционная почва придавала материализму Чернышевского глубину, содержательность, особую действенность; отсюда и активно-направленный на преобразование жизни историзм, дух классовой борьбы во взглядах Чернышевского. Идейный источник материализма Чернышевского—это весь ход развития материалистической мысли в России от Ломоносова до Белинского и Герцена. Важным истоком для взглядов Чернышевского и Герцена было богатое и оригинальное развитие естествознания. Критически оценивал Чернышевский также материализм Запада, преодолевая многие его недостатки.

Исходным пунктом и основой взглядов Чернышевского является его тезис о единстве духовного и телесного в жизни человека на основе примата телесного, единство, твердо установленное естествознанием. „Принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека“¹. Категорически отвергая идеалистическую басню о бес-телесной и бессмертной душе, Чернышевский аргументами от анти-тезы сводит к абсурду эти взгляды: кроме реальной своей природы, человек не имеет никакой другой таинственной природы. Духовное—сознание и воля—двойко обусловлено материальным: оно—продукт развития природы, свойство той ее части, *каковой является* человеческий мозг; мозг—орган сознания. Сознание есть отражение материальных тел, предметов, их свойств и законов. Материя первична, объективна и вечна. С точки зрения детерминизма важно утверждение Чернышевского о том, что материя не только объективна, но и строго закономерна в своих свойствах, действиях и проявлениях. „То, что существует, называют материею. Взаимодействие частей материи называют проявлением качества этих разных частей материи. А самый факт существования этих качеств мы выражаем словами „материя имеет силу действовать или, точнее, „оказывать влияние“. Когда мы определяем способ действия качеств, мы говорим, что мы находим „законы природы“².

Этим своим определением Чернышевский во многом преодолевает ряд существенных пороков прошлого материализма, не пони-

¹ Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч. в одном томе, стр. 61.

² „Чернышевский в Сибири“, вып. 2, стр. 45.

мавшего объективности качеств. В положениях Чернышевского об объективности отношений, причин, законов материи дана основа его *детерминизма, как важнейшей части его общематериалистического и революционного мировоззрения.*

Материалистически решает Чернышевский и вопросы гносеологии. В формах и законах деятельности человеческого мышления Чернышевский, в противоположность идеализму, видел отражение форм и законов материального мира. Чернышевский высмеивает субъективизм, скептицизм, позитивизм, теорию врожденных идей; формы и законы сознания не априорны, не врождены и не сверхъестественны, а вытекают из материальных источников, являясь их отражением. Сознание—высшее свойство материи; оно не есть чистое, беспредметное мышление как таковое; такого мышления нигде не существовало и существовать не может. Всем своим содержанием оно обязано предметному миру, его воздействиям. Основные положения своей материалистической теории познания Чернышевский замечательно сжато изложил на одной странице в предисловии к 3-му изданию „Эстетических отношений искусства к действительности“. Именно на это место ссылается Ленин, разоблачая махизм и кантианство и давая исключительно положительную оценку гносеологии и детерминизму Чернышевского¹.

Для Чернышевского, пишет Ленин, предметы „действительно существуют и *вполне* познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях...“² Отсюда—законы мышления имеют не только субъективное значение, а „отражают формы действительного существования предметов“, совершенно соответствуют, а не противоречат им.

Чернышевский не только великий материалист, но и выдающийся диалектик, понимавший диалектику, как алгебру революции.

Диалектика Чернышевского есть дальнейшее развитие диалектических идей Белинского, Герцена на основе обобщения революционного опыта, естественно-научных открытий и критики Гегеля. Чернышевский констатирует противоречие между методом и системой Гегеля, как он говорит, между принципами и выводами немецкого идеалиста. Принципы Гегеля, т. е. диалектические идеи, взятые сами по себе, абстрактно широки и как-будто логически стройны. А выводы—ничтожны, узки, жалки, пошловаты. Так характеризует Чернышевский реакционные взгляды Гегеля и других идеалистов. „Все немецкие философы от Канта до Гегеля страдают тем же недостатком, какой мы указали в системе Гегеля...“³ Для них, как это обстоятельно показал также Герцен, характерны отрыв теории от практики, идей от жизни, философии от насущных задач эпохи.

¹ См. Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч., том I, стр. 209.

² В. И. Ленин, Соч., том 14, стр. 345—346.

³ Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч. в одном томе, стр. 467.

Все они—филистеры, антидемократы, националисты; их произведения написаны языком схоластов XIV века. У Гегеля все это достигло предельных размеров. Русские революционные демократы не могли мириться с такой философией; они отбрасывали весь этот жалкий вздор, эти фальшивые выводы. Чернышевский указывает, что сами принципы метода Гегеля разработаны половинчато, чрезвычайно отвлеченно, односторонне, так, что в таком виде они абсолютно непригодны для применения к жизни. Подлинно-научная диалектика, по убеждению Чернышевского, была разработана лишь после Гегеля в Германии и вполне самостоятельно в России, о чем с гордостью пишет Чернышевский.

И действительно, сам Чернышевский блестяще разрабатывал важнейшие моменты диалектики в ее конкретно-действенном применении к природе, к истории, к современности, политике. Вечная смена форм—один из основных законов материального мира: отжившие свой век формы жизни должны уступить место новым, исторически необходимым, прогрессивным формам и интересам. Отсюда—его вера в будущее, когда „и на нашей улице праздник будет!“ Само развитие явлений общества рассматривается Чернышевским не как повторение всеми народами одних и тех же ступеней, не по кругу, а как развитие поступательное, как отрицание устаревших и победа прогрессивных общественных порядков, путем скачкообразного перехода к новому, путем его борьбы со старым.

Важнейшим диалектическим принципом Чернышевский считает принцип конкретности истины, принцип историзма. В „Очерках гоголевского периода русской литературы“ Чернышевский дал прекрасную характеристику этому важнейшему принципу и вообще всему диалектическому методу. „Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Объяснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которою прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям. Таким образом, добросовестное неутомимое изыскание истины стало на месте прежних произвольных толкований. Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени... каждый предмет, каждое явление имеет свое собствен-

ное значение, и судить о нем должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулой: „отвлеченной истины нет; истина конкретна“, т. е. определенное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит“¹.

Именно с этих исторических позиций подходит Чернышевский к судьбе и жизни разных народов, отбрасывая реакционные расистские измышления капиталистических колонизаторов и их идеологов. Чернышевский писал: „... все зависит от обстоятельств времени и места... „Отвлеченной истины нет, истина конкретна“, — конкретно понятие о предмете тогда, когда он представляется со всеми качествами и особенностями и в той обстановке, среди которой существует, а не в отвлечении от этой обстановки и живых своих особенностей...“²

Мысль о богатстве отношений действительности и конкретности истины красной нитью проходит через все произведения Чернышевского. Эту диалектику Чернышевского высоко оценил товарищ Сталин еще в 1904 году и ссылаясь на нее в борьбе против буржуазных критиков марксистской программы национального вопроса, разоблачив жалкую метафизику и лжеучение буржуазных националистов³.

Материализм и диалектику Чернышевский применял также к процессу познания и к материалистическому объяснению явлений воли, разума, чувств. Он прекрасно понимал, что возникновение познания и воли, совпадение форм и законов мышления с формами и законами предметной действительности есть сложный исторический процесс; он глубже, чем кто бы то ни был из предшественников марксизма, раскрывает диалектику логического в его отношении к историческому. Исходным пунктом для Чернышевского является тезис о том, что объективный мир и его законы есть источник человеческой воли. „То, что существует, материя. Материя имеет качества. Проявление качеств, это силы. То, что мы называем законами природы, это способы действия сил“⁴. Взгляд Чернышевского на волю полностью опирается на эти принципы материализма, пропитанные революционной действенностью. Для него основные законы соотношения воли с необходимостью вытекают из общего материалистического принципа соотношения сознания и материи. Беспредметной, абстрактной воли, желаний и стремлений не существует; воля так же, как сознание, вся психика в целом, возникает из реальных причин, потребностей и источников под влиянием предметов и обстоятельств, воздействующих на волю по определенным законам природы.

¹ Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч., том I, стр. 666.

² Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч. в одном томе, стр. 45-1.

³ См. И. В. Сталин, Соч., том I, стр. 50.

⁴ „Чернышевский в Сибири“, вып. 2, стр. 55.

Критика волюнтаризма, подчеркивание первичности необходимости, выведение всего содержания воли из объективной необходимости, глубокие попытки применить детерминизм к человеческой истории, выработка на этой основе тактики и программы революционной демократии—таковы основные моменты детерминизма Чернышевского. Ленин подчеркивает материалистический взгляд Чернышевского на объективную причинность: „для Чернышевского, как и для всякого материалиста, в действительности есть то, что представляется нам связью причины с действием, есть объективная причинность или необходимость природы“¹.

Чернышевский считает фальшью учение о свободе воли; в этом не сомневается, говорит он, ни один подлинный мыслитель, материалист. Явления воли и явления нравственного мира порождаются по закону причинности. „Положительно известно, например, что все явления нравственного мира происходят одно из другого и из внешних обстоятельств по закону причинности, и на этом основании признано фальшивым всякое предположение о возникновении какого-нибудь явления, не произведенного предыдущими явлениями и внешними обстоятельствами. Поэтому нынешняя психология не допускает, например, такого предположения: „человек поступил в данном случае дурно, потому что захотел поступить дурно, а в другом случае хорошо, потому что захотел поступить хорошо“. Она говорит, что дурной поступок или хороший поступок был произведен непременно каким-нибудь нравственным или материальным фактом, или сочетанием фактов, а „хотение“ было тут только субъективным впечатлением, которым сопровождается в нашем сознании возникновение мыслей или поступков из предшествующих мыслей, поступков или внешних фактов“. Всякий поступок, действие, цель—причинно обусловлены. Желание и воля—субъективные формы, включенные в общую цепь причин и следствий, имеющие объективное содержание и обусловленные законами природы. Поступки людей (хорошие или дурные)—результат либо внешних фактов, либо их сочетаний; желание и воля—субъективная сторона, сопровождающая деятельность и связь фактов. Любое действие, внешне кажущееся проявлением ничем не обоснованной свободной воли, в своем реальном содержании причинно обусловлено. Чернышевский подчеркивает всеобщность причинности, нигде и никем не нарушаемой, не забывая при этом сложность и многообразие причинных отношений: есть, например, непосредственные причины человеческих поступков и действий; эти непосредственные причины обычно называются мотивами. Однако это лишь внешняя сторона дела; более глубокими причинами воли являются материальные предметы, процессы; анатомические особенности, физиологические процессы в организме, внеш-

¹ В. И. Ленин. Соч., том 14, стр. 346.

² Н. Г. Чернышевский. Избран. философ. соч. в одном томе, стр. 81.

ние предметы и обстоятельства, в которых приходится человеку жить и действовать.

Обосновывая причинную обусловленность воли, Чернышевский пишет: „То явление, которое мы называем волею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинною связью“¹. Ближайшей причиной воли является какая-нибудь мысль („какова мысль, такова и воля“). Это, конечно, истина. Следует прибавить еще, что волевые явления порождаются не только под влиянием мысли, но и чувством, страстью. Но и это не вся истина: Чернышевский и не думал, что размышление и чувства являются последними причинами воли и действий; они — лишь ближайший мотив, который в свою очередь обусловлен более глубокой и более сильной причиной. Отсюда — категорическое отрицание не только откровенно теологической мистики, провиденциализма, но и субъективистических учений о свободе воли. Ссылка на волю, как на самостоятельную сущность, первую и последнюю причину человеческих действий и исторических событий, означает пребывание на видимом, кажущемся, это поверхностный эмпиризм, достойный осмеяния. Эмпирики-волютаристы, говорит Чернышевский, рассуждают следующим образом: „Самым обыкновенным примером действий, ни на чем не основанных, кроме нашей воли, представляется такой факт: я встаю с постели: на какую ногу я встану? захочу на левую, захочу на правую. Но это только так представляется поверхностному взгляду. На самом деле факты и впечатления производят то, на какую ногу встанет человек. Если нет никаких особенных обстоятельств и мыслей, он встанет на ту ногу, на которую удобнее ему встать по анатомическому положению его тела на постели. Если явятся особенные побуждения, превосходящие своей силою это физиологическое удобство, результат изменится сообразно перемене обстоятельств. Если, например, в человеке явится мысль: „стану не на правую ногу, а на левую“, он сделает это; но тут произошла только простая замена одной причины (физиологического удобства) другою причиною (мысль доказать свою независимость), или, лучше сказать, победа второй причины, более сильной, над первою. Но откуда явилась эта вторая причина, откуда явилась мысль показать свою независимость от внешних условий? Она не могла явиться без причины, она произведена или словами собеседника, или воспоминанием о прежнем споре, или чем-нибудь подобным. Таким образом, тот факт, что человек, когда захочет, может ступить с постели не на ту ногу, на которую удобно ему ступить по анатомическому положению тела на постели, а на другую ногу, — этот факт свидетельствует вовсе не то, чтобы человек без всякой причины мог ступить на ту или другую ногу, а только то, что вставание с постели может совершаться под

¹ Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч. в одном томе, стр. 82.

влиянием причин более сильных, чем влияние анатомического положения его тела перед актом его вставания"¹.

Аргументация волюнтаристов сводится к простой тавтологии: на вопрос о том, почему разбилась тарелка, почему сгорел дом, отвечают: потому что сгорел. Это не ответы, а прикрытие лениности мысли, нежелание доискиваться до истины: но наука на этом не может остановиться. „Психология,—писал Чернышевский,—говорит в этом случае то же самое, что говорит в подобных случаях физика или химия: если произошло известное явление, то надобно искать ему причины, а не удовлетворяться пустым ответом: оно произошло само собою, без всякой особенной причины—„я так сделал, потому что так захотел“².

Особую значимость представляет с точки зрения нашей проблемы взгляд Чернышевского на *историческую необходимость*. Значимость эта определяется ленинским указанием о том, что исторические взгляды русских революционных демократов отличаются оптимизмом и реализмом, что, в частности, у Чернышевского есть зачатки исторического материализма, что „от его сочинений веет духом классовой борьбы“, что „он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на утопичность своего социализма“.

Философия истории, исторические науки всегда вызывали огромный интерес у наших революционных демократов, самым последовательным из которых был Н. Г. Чернышевский. Не абстрактные, схоластические рассуждения об обществе вообще, характерные для буржуазной социологии, а серьезные попытки раскрытия закономерностей истории и в первую очередь истории России, извлечения исторических уроков для организации успешной борьбы против крепостничества и капитализма, выработка ясной программы и революционной тактики—вот что интересует Чернышевского прежде всего. Он не просто высказывает социологические идеи, а прямо разбирает конкретные исторические события прошлого и современности, давая оценки течениям, группам, классам. Историко-социологические рассуждения Чернышевского пропитаны духом публицистичности, современности и направлены против всех реакционных взглядов.

Прежде всего Чернышевский устанавливает несостоятельность буржуазной исторической науки, вскрывая ее классовую подоплеку. Научной истории пока еще нет, говорит он, есть лишь более или менее смутный идеал о том, какова должна быть историческая наука, и есть отдельные односторонние попытки построения исторической теории. Чернышевский перечисляет ряд причин такого плачевного состояния исторической науки прошлого: во-первых, неразработанность экономической истории, т. е. очень важной стороны человеческой истории, которая до сих пор совершенно упускается

¹ Н. Г. Чернышевский, Избр. философ. соч. в одном томе, стр. 82.

² Там же.

буржуазными идеологами. Их метод в основе своей порочен: они пишут о политической и умственной сторонах исторического процесса, но о материальной стороне почти ничего не говорят. „О материальных условиях быта, играющих едва ли не первую роль в жизни, составляющих коренную причину почти всех явлений, и в других высших сферах жизни, едва упоминается, да и то самым слабым и неудовлетворительным образом, так что лучше было бы, если б вовсе не упоминалось“¹. Во-вторых, Чернышевский указывает на корыстность, антинаучность взглядов прежних историков и экономистов на общественную жизнь, обнаруживающиеся в их трудах, чтениях, сочинениях. Так, например, огромное большинство их смотрит на капиталистический строй, как на вечный, незыблемый: „возникла у некоторых последователей Адама Смита ошибочная тенденция,— пишет критик,—доказывать непреложность и вечность нынешних форм экономического быта“².

Главной причиной несостоятельности буржуазной социологии, политэкономии и исторической науки Чернышевский справедливо считал их классовую природу, реакционные политические тенденции. Научный принцип о партийности философии и социальной науки Чернышевский проводит и здесь; историческая наука, да и всякие другие теории—суть отражения интересов той или иной общественной группы; поэтому он высмеивает то объяснение, по которому теория, например, вечности буржуазных отношений есть результат незнания исторических фактов, т. е. отсутствия материала. Но это несерьезно. „Будто в самом деле малое знакомство с историей могло лишать политико-экономов знания о том, что существовали иные формы экономического быта, различные от нынешних, и будто через это отнималась у таких людей возможность чувствовать потребность новых совершеннейших форм, отнималась возможность признавать нынешние формы не безусловными“³.

Не требуется исчерпывающего знания фактов, чтобы заметить несправедливость существующих капиталистических порядков, когда ничтожная часть населения угнетает огромные массы народа, и, чтобы понимать необходимость уничтожения этих порядков. Нужно лишь быть научно и морально добросовестным и самостоятельным, но этого-то как раз и не хватает апологетам рабства. Решает не знание всех фактов, а настоящее положение вещей,—говорит Чернышевский: надо уметь собственными глазами смотреть вокруг себя: „Значит, дело не в исторических сведениях, а в том, каковы чувства мыслителя или группы людей, представителем которых он служит“⁴.

Мысль Чернышевского работает правильно в объяснении партийности социальных наук, в попытке распространения детерминизма на область общественной жизни, на историю общества.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., СПб., 1906; том 2, стр. 409—410.

² Там же, т. 8, стр. 136.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же.

Во-первых, он твердо убежден в господстве причинной связи в исторических событиях, в необходимом характере исторического процесса жизни различных народов; необходимость эта не зависит не только от воли отдельных людей, но даже целых групп и народов, хотя воля и сознание играют немалую роль, если правильно учтены обстоятельства. Хозяйственный быт народов, доказывает Чернышевский, имеет свою последовательность, свою внутреннюю логику, свои определенные стадии, направления и фазы развития. а именно: развитие шло от рыболовства и охоты через скотоводство к земледелию, к ремеслу и промышленности; от общинной собственности к частной собственности. Причем, развитие народов идет по восходящей прогрессивной линии. Этот тезис Чернышевский обосновывает при помощи конкретного исторического материала из русской истории и истории многих других народов Запада и Востока. Чернышевский ведет страстную полемику с реакционными историками, разоблачает их фальшивые взгляды и фальсификацию фактов, их утверждения о вечности частной собственности у всех народов. Действительная история, в области которой у Чернышевского были обширные познания, шла по такой закономерности, что вначале была общинная собственность: частная собственность есть явление позднейшего происхождения, связанное с развитием экономических условий, оседлой жизнью. Возражая историку Куторге, утверждавшему, что земледелие и поземельная частная собственность существовали у самых первобытных народов, Чернышевский писал: „предания всех народов свидетельствуют о том, что прежде нежели узнали они земледелие и сделались оседлыми, они бродили, существуя охотою и скотоводством“¹.

Эта закономерность — общая для всех народов без исключения. Конечно, прогрессивное развитие, как закон, не совершается по кругу или прямолинейно, или по фатально predetermined плану. Чернышевский подчеркивает сложность, зигзагообразность, противоречивость исторического прогресса, где каждый народ не повторяет механически путь развития других народов, а вносит нечто свое; многое зависит от обстоятельств и условий, присущих данной стране и данному народу. Чернышевский, например, считал, что существенной особенностью России является господство общинного начала, в то время, как у других народов община давно уже разложилась. Именно общинное начало и является основой, дающей возможность России прямо перейти к социализму, минуя капитализм, используя его достижения в области техники. Для обоснования своего утопического социализма Чернышевский выставил известный тезис об опускании „среднего звена“. Для нас важен однако не утопизм, а пророческие слова великого патриота о том, что именно Россия явится авангардом будущего великого исторического прогресса и

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., том I, стр. 389.

что она первой покажет другим народам пути перехода к социализму.

Существенное своеобразие истории каждого народа, однако, не нарушает основного положения об общности законов развития всех народов. На этой почве великий русский мыслитель дал бой националистам, космополитам, расистам, дворянско-буржуазной историографии. Аргументация Чернышевского направлена против официальной идеологии и славянофильства, государственной концепции Соловьева и против Аксаковых, Бабста, Каткова, Шевырева, Чичерина и др. реакционеров.

В противоположность всем этим идеологам господствующих классов, Чернышевский выдающееся место в развитии русской общественной мысли отводит Белинскому и Герцену, положительно отзываясь о Радищеве, Грановском, критически относится к Чаадаеву. Вслед за Грановским, Чернышевский опроверг расистскую идею о том, что общинный быт—якобы исключительная принадлежность славянской истории, в противоположность германскому племени, будто бы чуждому общинного начала, превосходившему все остальные племена своими умственными и нравственными качествами, своим общественным развитием. Чернышевский с презрением опровергает космополитов разного вида—всех этих англоманов, галломанов, тевтономанов и др. Исторические изыскания, как убежден Чернышевский, подтверждают „мысль об одинаковости племенного устройства у всех народов, проходящих первые ступени исторического развития“¹.

Чернышевский не ограничился защитой идеи единства законов исторического развития всех народов; его интересует также взаимная связь и обусловленность различных сторон в общественной жизни: экономики, политики, юридических отношений, идеологии. В частности, важным зачатком исторического материализма является его попытка связать юридические и политические отношения с экономическими интересами и образом жизни данного народа, данной страны. Так, например, пастушеский образ жизни, по его мнению, обусловил собою общинную собственность: земледелие и оседлая жизнь, наоборот, вызвали частную собственность. В свою очередь, раз появившись, частная собственность стала основой государственных и юридических отношений. Чернышевский писал: „Частная поземельная собственность была необходимым условием государственных прав потому, что произошла из общинной собственности, которою пользовались все лица, составлявшие племенное общество, и не пользовался никто, не принадлежащий к этому обществу (роду, колену, племени); а общинная собственность—существенная принадлежность не земледельческого, а бродячего, пастушеского или звероловческого быта“².

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., том 1, стр. 389—390.

² Там же, стр. 389. См. также стр. 428—429.

Конечно, эти рассуждения Чернышевского не составляли еще цельной, историко-материалистической концепции: Чернышевский не сумел до конца преодолеть исторический идеализм, он остановился перед историческим материализмом. На его философии истории лежат следы антропологизма; свой взгляд об единстве материального и духовного в человеке он обосновывал ссылаясь только на естествознание, не выводя сущность человека из общественного бытия. У него нет ясного и цельного представления о базисе и надстройке. Идеализмом является его утопический социализм и то, что необходимость социализма он выводил не из законов развития способов производства, а из „природы человека“. Чернышевский не понял значения крупного производства и исторической роли пролетариата. Но он ближе, чем кто-либо другой, подошел к историческому материализму и очень часто выходил за рамки антропологизма.

Из детерминистического понимания истории для Чернышевского вытекал тот очень важный для него вывод, что историю делают не отдельные личности, пусть даже самые выдающиеся, по своей свободной воле, а трудящиеся классы, народ; их борьба за свое освобождение от ярма угнетателей закономерна, исторически необходима и неизбежна; революционное уничтожение старых порядков было для Чернышевского, несомненно, главной целью его борьбы. Этим духом классовой борьбы и насыщены произведения Чернышевского. Он верил в великую силу русского народа, проявленную им в прошлых национально-освободительных движениях и войнах. Героическими страницами русской истории он считает события 1612, 1709, 1812 годов и другие исторические события, как вехи сильной и смелой борьбы русского народа за свою национальную и государственную независимость¹.

Конечной целью этой борьбы Чернышевский считал достижение социализма: он был до конца предан этой идее: передовые люди общества, вожди и учителя угнетенных должны понять необходимость и неизбежность социализма, поднять народ на борьбу за его осуществление и своей неустанной деятельностью завоевать его. Чернышевский мужественно призывал к беззаветной борьбе за свободу, поскольку понято, что эта борьба исторически необходима. По определению Ленина „Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом“², чем все его предшественники.

Великий предшественник марксизма Чернышевский предвидел восхождение зарни грядущего будущего и работал для него. Однако он прекрасно понимал, что путь борьбы тернист, он не усеян розами;

¹ В свете этих фактов и рассуждений Чернышевского особенно очевидны ошибки Плеханова, который, не выявив глубокого содержания и революционного значения взглядов Чернышевского, его борьбы против реакционной буржуазно-помещичьей идеологии, торопится опровергать эти взгляды на закономерность экономического быта или отождествляет их с географическим материализмом, которому сам дает дань (см. Г. В. Плеханов, Соч., т. V, Отдел II).

² В. И. Ленин, Соч., том 20, стр. 224.

история, говорил он, не есть Невский проспект—широкий, тихий, ровный. Путь свободы проходит через ряд побед и поражений, и только тот достоин славы, бессмертия, кто настойчиво, упорно, с достоинством преодолевает трудности. Чернышевский высмеивал тех мечтателей о свободе, кто падал духом после первого же сражения на пути к свободе. „Мы говорим: это люди недалёковидные, воображающие, что первая удачная стычка может окончить войну в их пользу, и потом унывающие, когда побежденный враг возвращается на поле битвы, как будто не следовало предвидеть этого; и когда врагу удалось одержать верх в какой-нибудь битве, они опять думают, что война кончена, что нет уже никакой надежды. Странные люди! Они не могут сообразить, что никогда еще не было войны, в которой не потерпела бы несколько уронов побеждающая страна: они не знают, что каковы бы ни были неудачи многих отдельных битв, но в результате торжество остается за тою стороною, которая имеет больше сил, и силы которой с каждым годом возрастают. Будто может прекратиться развитие новых интересов? Нет, они с каждым днем крепнут. А если так,—возможно ли сомневаться в окончательном торжестве тех форм, какие требуются новыми интересами?“¹

Торжество новых форм жизни таким образом нельзя представить себе в виде прямой линии или в виде фатальной, роковой неизбежности или predetermined судьбы. Чернышевский—непримиримый враг не только идеалистических измышлений о свободе воли, приводящих в политике к бесплодным усилиям, авантюризму и неизбежному унынию, но и непримиримый противник квиэтизма, фатализма, в какой бы форме они ни выступали. Разбирая эстетические категории возвышенного и трагического, автор „Эстетических отношений“ высмеивает идеалистическое толкование трагического, как следствия столкновения свободы с необходимостью, воли с судьбой, человека, с могущественными таинственными силами природы. Последние всегда оказываются (по мнению идеалистов) сильными и приводят к роковой, трагической гибели героя. Опровергая эту мистику, Чернышевский развивает замечательную мысль о том, что свободу надо искать не вне реальной необходимости, и самую необходимость нельзя мистифицировать: решение проблемы лежит по линии диалектического соотношения свободы и необходимости. Вот глубокое рассуждение Чернышевского: природа, говорит он, „продолжает вечно действовать по своим законам, она не знает о человеке и его делах, о его счастье и его гибели; ее законы могут иметь и часто имеют пагубное для человека и его дел действие; но на них же опирается всякое человеческое действие... В том нет сомнения, что

¹ „Шестидесятые годы“. Материалы по истории литературы и общественному движению, 1940, стр. 17.

*всякое важное дело человека требует сильной борьбы с природою или с другими людьми*¹.

Мысль Чернышевского не только правильна, но и величественна. Мореходец борется с грозными морскими стихиями, бурей и штормом, подводными скалами. Но эти силы и законы—вполне реальные силы природы; здесь нет никакой судьбы: эти силы можно познать, их можно преодолеть. Воля человека, сознавшего свою историческую правоту, имеет огромное значение; борьба может окончиться победой или поражением; трагическая гибель не всегда неизбежна. „А счастливая борьба,—воскликает наш автор,—как бы ни была она тяжела,—не страдание, а наслаждение, не трагична, а только драматична“².

Чернышевский был убежден в исторической необходимости новых, т. е. социалистических форм жизни, он не сомневался в окончательном торжестве народного дела, мужественно боролся за его торжество, считая, что эта борьба, этот героизм будут оценены грядущими поколениями. Благодарной верой, революционным гуманизмом и оптимизмом дышет его письмо к жене, где он, между прочим, пишет: „Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, и наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь“.

Эти пророческие и благородные слова великого демократа и ученого полностью оправдались.

¹ Н. Г. Чернышевский, Избран. философ. соч., том I, стр. 81. Подчеркнуто мною. Г. А.

² Там же, стр. 82.